

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 330.16

JEL D12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25

EDN ОРНМХС

Потребительские стратегии домашних хозяйств с детьми в России: эмпирический анализ

Алефтина Александровна Гулюгина¹, Татьяна Викторовна Чашчина²

^{1,2} Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

¹ (algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

² (chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Аннотация

В статье целью является анализ практики формирования потребительских стратегий домохозяйств с детьми разного типа с учётом их покупательной способности по расходам на потребление и структурных характеристик, а также потребительского поведения в условиях недостатка средств. Информационную основу составили данные российской статистики, мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения (Институт экономики РАН), результатов опроса российских домохозяйств с детьми в рамках научного проекта РНФ. Потребительская стратегия рассматривается в контексте удовлетворения жизненно важных потребностей с учётом покупательной способности расходов на потребление и приемлемого в этих условиях выбора приоритетов в расходах на потребление. В статье определены сложившиеся в 2018–2024 г. модели потребительских стратегий у домохозяйств с детьми разного типа. В основе моделей лежат признаки: позиция в социальной структуре, определяемая исходя из покупательной способности расходов на потребление; доминанта в структуре расходов на потребление; роль других компонентов расходов в поддержании стабильности в потреблении и для режима экономии. Результаты исследования показали, что покупательная способность расходов на потребление снижается с ростом числа детей. В социальной структуре домохозяйства с детьми идентифицируются как низкообеспеченные по расходам на потребление, и это их положение является устойчивым. Показано, что в зависимости от числа детей структура расходов на потребление отличается в статике и динамике. Общей является тенденция к доминированию доли расходов на питание, в то время как направления для поддержания стабильности в потреблении и для режима экономии проявляются неоднозначно. Выявлено, что в 2024 г. при недостатке средств потребительское поведение семей с детьми было связано с экономией расходов на потребление по всем основным статьям (питание, непродовольственные товары, услуги); при оценивании качества питания, одежды и обуви, быта совсем не стабильным характеризовала своё положение каждая пятая семья; для половины семей потребительские кредиты стали нормой для покрытия текущих расходов.

Ключевые слова: анализ, домохозяйства с детьми, доминанты, покупательная способность, потребительская стратегия, потребительское поведение, располагаемые ресурсы, расходы на потребление, структура

Благодарность: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00537, <https://rscf.ru/project/23-18-00537/>, в Институте экономики Российской академии наук.

Для цитирования: Гулюгина А.А., Чашчина Т.В. Потребительские стратегии домашних хозяйств с детьми в России: эмпирический анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 12–25. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25 EDN ОРНМХС

RAR (Research Article Report)

JEL D12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25

Consumption Strategies of Households with Children in Russia: an Empirical Analysis

Aleftina A. Gulyugina¹, Tatyana V. Chashchina²

^{1,2} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

² (chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Abstract

This article aims to analyze the consumption strategy development practices of households with different types of children, taking into account their purchasing power for consumption expenditures and structural characteristics, as well as consumer behavior under financial constraints. The information base consists of Russian statistics, monitoring studies of income and living standards (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences), and the results of a survey of Russian households with children as part of a research project by the Russian Science Foundation. Consumer strategy is examined in the context of satisfying vital needs, taking into account the purchasing power of consumption expenditures and the acceptable choice of consumption priorities under these conditions. The article identifies the consumer strategy patterns that emerged in households with different types of children between 2018 and 2024. The models are based on the following characteristics: social position, determined based on the purchasing power of consumption expenditures; the dominant element in the

© Гулюгина А.А., Чашчина Т.В., 2026

structure of consumption expenditures; and the role of other expenditure components in maintaining consumption stability and austerity. The study's results showed that the purchasing power of consumption expenditures decreases with an increasing number of children. In the social structure, households with children are identified as low-income households based on consumption expenditures, and this position is persistent. It has been shown that the structure of consumption expenditures differs both statically and dynamically depending on the number of children. A common trend is for food expenditures to dominate, while the directions for maintaining consumption stability and for austerity are ambiguous. It was found that in 2024, when faced with a lack of funds, the consumer behavior of families with children was associated with savings on consumption expenditures across all major categories (food, non-food goods, services); when assessing the quality of food, clothing and footwear, and everyday life, one in five families characterized their situation as anything but stable; for half of the families, consumer loans became the norm for covering current expenses.

Keywords: analysis, households with children, dominants, purchasing power, consumer strategy, consumer behavior, disposable resources, consumption expenditure, structure

Acknowledgment: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00537, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00537/>, at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

For citation: Gulyugina A.A., Chashchina T.V. Consumption Strategies of Households with Children in Russia: an Empirical Analysis. *Uroven' zhizni nasele-niya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):12-25. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25 (In Russ.)

Введение

Потребительские стратегии домохозяйств с детьми, отражающие возможности и ограничения в удовлетворении потребностей, являются важной характеристикой их уровня и качества жизни. Анализ положения дел в этой области, тенденций и рисков – необходимая составляющая для определения направлений развития и совершенствования социальной политики, укрепления института семьи, решения демографических проблем.

Исследования показывают, что потребление российских домохозяйств в последние десятилетия в среднем росло быстрее валового внутреннего продукта (ВВП), однако торможение экономического роста привело к длительной стагнации в сфере потребления; в целях более эффективного использования этого фактора экономического роста необходимо увеличивать объём потребительского спроса, повышать качество в сфере потребления, более внимательно анализировать структурные характеристики потребления домашних хозяйств [1, с. 7–8]. При изменении общей экономической ситуации потребительское поведение населения «имеет наименьший временной лаг в реакции «вызов–ответ», «ни сбережения, ни инвестиции, ни тем более кредитование, не меняются с такой быстротой, как векторы потребления» [2, с. 74].

В условиях влияния разных факторов на потребление наиболее существенной закономерностью является то, что «имеет место выраженная дифференциация в потреблении, выступающая конечной формой проявления социально-экономической дифференциации в обществе. При этом практически все разноуровневые факторы потребительского поведения действуют в одном направлении, а именно, становятся факторами дифференциации этого поведения» [3, с. 155]. Поведение потребителей, «если его рассматри-

вать в плане стратегий его реализации, является элементом механизма осуществления процессов социальной стратификации общества» [4, с. 14], и в результате «каждый занимает своё место в обществе», определяет собственную социальную идентичность [5, с. 151].

Внешние и внутренние детерминанты создают основу формирования и динамики самосохранительного поведения домохозяйств в отношении расходования личных средств в зависимости от денежных доходов и структуры расходов [6, с. 794, 802]. Один из наиболее устойчивых факторов влияния на стабильность положения домохозяйств – финансовый [7], возможность получать высокую выгоду от сбережений – преобладающее среди богатых направление использования доходов в сравнении с финансированием потребления [8]. При ограниченных доходах потребители, предпочитающие количество в потреблении, а не качество, тратят больше денег, берут больше займов и накапливают больше долгов [9].

В научных исследованиях домохозяйств с детьми центральное место занимает проблематика, связанная с бедностью, в том числе её оценка через лишения (депривации) [10], влияние мер социальной поддержки на сокращение бедности [11], определение категорий семей (домохозяйств), имеющих наиболее высокие риски попадания в категорию бедных [12]. Также повышенный научный интерес вызывают условия для восходящей социальной мобильности, перспективы при практичности и экономии на потреблении из-за недостатка средств [13; 14].

Исследования учёных показывают, что механизмы неравенства в потреблении следует искать в финансовых, трудовых и бытовых условиях, которые различаются у социально-экономических групп [15]. Изучение гетерогенности предпочтений, которая отражается в составах потребитель-

ских корзин, позволило сделать вывод о том, что данный фактор обуславливает около трети неравенства в потреблении [16]. Сложившаяся в потреблении населения трансформация указывает на то, что «значительная часть населения России уже не возвращается к патриархальным практикам выживания в трудные времена» [17, с. 67].

В научном сообществе сформировалось понимание того, что в контексте новых глобальных вызовов возрастает потребность в пересмотре и обогащении сложившихся подходов к анализу потребительского поведения домохозяйств [18]. К настоящему времени недостаточно внимания уделялось расходам на потребление домохозяйств с детьми разного типа, их структурным характеристикам, взаимосвязи с показателями уровня жизни и социального неравенства, что предопределило направление настоящей работы.

Объектом исследования являются домашние хозяйства с детьми, *предметом исследования* – формирование потребительских стратегий домохозяйств с детьми. *Целью исследования* является анализ практики формирования потребительских стратегий домохозяйств с детьми разного типа с учётом их покупательной способности по расходам на потребление и структурных характеристик, а также потребительского поведения в условиях недостатка средств.

Задачи исследования:

- анализ уровня и динамики расходов на потребление во взаимосвязи с располагаемыми ресурсами у домохозяйств с детьми разного типа;
- определение и анализ покупательной способности домохозяйств с детьми разного типа по расходам на потребление и идентификация на её основе положения в социальной структуре;
- анализ структуры расходов на потребление домохозяйств с детьми разного типа и определение сложившихся моделей потребительских стратегий;
- анализ потребительского поведения домохозяйств с детьми, испытывающих недостаток средств.

Гипотеза исследования: потребительские стратегии у всех типов домохозяйств с детьми совпадают: а) по идентификации социального слоя, б) по векторам структурных смещений у компонентов расходов на потребление (питание, непродовольственные товары, услуги).

Теоретические и методологические положения

Для проведения эмпирического анализа позитивную роль сыграли теоретические и методологические положения работ российских учёных, близких по теме исследования. Наиболее значимыми стали следующие положения:

– потребление «относится к числу сложных концептов, для которых характерна содержательная неопределённость, вызванная в том числе присутствием им понятийной многозначностью» [18, с. 6];

– потребление как самостоятельный объект изучения обладает собственной логической структурой, и является многозначным понятием, отражающим пространство между приобретением благ посредством рыночного обмена и их использованием в повседневной жизни людей [19];

– в определении стратегии потребления ключевым понятием являются действия, связанные с потреблением, совершаемые длительное время, формирующие предпочтительную стратегию поведения, учитывающего в своих действиях ресурсы, имеющиеся у самого субъекта и общества [20, с. 43–44].

Эмпирический анализ опирается на методологию российской статистики с использованием показателей, исчисленных в среднем на члена домохозяйства. Экономическое положение домохозяйств с детьми в статье оценивается на основе располагаемых ресурсов, потребление – на основе расходов на потребление¹. Общее неравенство домохозяйств по располагаемым ресурсам и расходам на потребление анализируется с применением коэффициента фондов, характеризующего, согласно методологии Росстата, степень социального расслоения, показывая соотношение между средними уровнями показателей у 10% населения с самыми высокими и 10% населения с самыми низкими значениями показателей (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)². Дополняет картину неравенства характеристика (не)устойчивости позиций домохозяйств с детьми по расходам на потребление в рядах распределения по 10%-ным группам населения в зависимости от располагаемых ресурсов, которая выявляется в ходе исследования.

В реальном выражении расходы на потребление в статье оцениваются с применением положений концепции мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения (Институт экономики РАН), в соответствии с которыми реальным выражением данного показателя является его покупательная способность – один из основных показателей уровня жизни. Для домохозяйств с детьми покупательная способность (ПС) расходов на потребление измеряется количеством потребительских корзин прожиточного миниму-

¹ Приказ Росстата от 05.04.2017 г. № 226 «Об утверждении Методологических положений по формированию агрегированных показателей доходов, расходов и потребления домашних хозяйств на основе программы Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств», с. 9–11.

² Понятия и определения. Распределение и дифференциация доходов // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 25.12.2025).

ма (ПК ПМ) в среднем на душу, приходящихся на заданную величину расходов на потребление в среднем на члена домохозяйства. Показатель ПС позволяет оценить положение домохозяйств с детьми в социальной структуре [21].

Понятие «стратегия» большинство исследователей связывают с повседневным поведением человека в течение длительного периода времени, например, применительно к потреблению «её можно понимать как жизненные планы человека, наложенные на его жизненную ситуацию, связанную с потребительской сферой жизнедеятельности и проявляющиеся в устойчивой системе установок и связанных с ними действий. Ключевым предметом (или фактором) функционирования этой сферы жизнедеятельности человека являются материальные и духовные блага, выступающие в качестве товара, используемого в дальнейшем в качестве объекта потребления» [4, с. 8].

В статье потребительские стратегии рассматриваются в контексте удовлетворения жизненно важных потребностей с учётом покупательной способности расходов на потребление и приемлемого в этих условиях выбора приоритетов. При выборе приоритетов в расходах на потребление проявляются мотивы домохозяйств и действия для удовлетворения потребностей, что определяет их потребительское поведение.

При выявлении потребительских стратегий у разных типов домохозяйств с детьми в основу их моделирования положены следующие признаки: позиция в социальной структуре, определяемая исходя из покупательной способности расходов на потребление; доминанта в структуре расходов на потребление; роль других компонентов расходов в поддержании стабильности в потреблении и для режима экономии. Роль других компонентов определяется по совокупности характеристик – идентификация социального слоя по покупательной способности расходов на потребление, сопоставление динамики расходов на потребление с потребительской инфляцией, структурные смещения в расходах на потребление.

Использованные данные и методы работы с ними

Информационную основу для выполнения работы составили данные Росстата о результатах выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономические данные, а также данные мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения России (Институт экономики РАН), итоги опроса домохозяйств с детьми в рамках научного проекта РФФ.

Основные использованные показатели статистики – располагаемые ресурсы домохозяйств

с детьми разного типа, расходы на потребление, ряды распределения расходов на потребление домохозяйств по 10%-ным группам населения в зависимости от располагаемых ресурсов, прожиточный минимум в целом по России, индекс потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации. Данные выборочного обследования бюджетов домохозяйств публикуются на сайте Росстата по итогам каждого квартала и в целом за год. Ввиду отсутствия сводных данных за 2024 год в статье использованы результаты авторского расчёта, выполненного на основе сведений за 1–4 кварталы 2024 г.

К работе привлечены данные мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения, определяющие шкалу стандартов социальной структуры: наименее обеспеченные (ниже ПК ПМ, бедные); низкообеспеченные (1–2 ПК ПМ); обеспеченные ниже среднего уровня (2–3,7 ПК ПМ); среднеобеспеченные (3,7–11 ПК ПМ), высокообеспеченные (11 ПК ПМ и выше), где ПК ПМ – потребительская корзина прожиточного минимума³ [21].

Использованные данные опроса среди российских домохозяйств с детьми касаются их уровня и качества жизни, экономической (не)устойчивости, потребительского поведения. Опрос был проведён в рамках научного проекта РФФ летом 2024 г. методом телефонных интервью (842 эффективных интервью) по случайной вероятностной выборке стационарных и мобильных телефонных номеров среди населения России, проживающих в домохозяйствах с детьми 15 лет и младше. Итоги опроса позволили выявить потребительское поведение домохозяйств с детьми в условиях недостатка средств, в том числе по вопросам экономии на питании; задержки оплаты жилищно-коммунальных услуг; доступности основных видов продуктов питания для ежедневного употребления; доступности отдельных социально значимых непродовольственных товаров и услуг; субъективного оценивания стабильности с позиции качества питания, одежды и обуви, быта; использования потребительских кредитов для покрытия текущих расходов.

Период исследования – 2018–2024 годы, позволяющий проанализировать положение домохо-

³ Измерение в ПК ПМ соответствует методологии определения прожиточного минимума 2013–2020 гг., что позволяет с соблюдением принципа сопоставимости анализировать вариационные ряды при изменении методологии показателя. До 2021 г. прожиточный минимум (ПМ) определялся как потребительский бюджет, включающий нормативную потребительскую корзину (ПК) и обязательные платежи и сборы. С 1 января 2021 г. обновленная методика определения ПМ привязана не к потребительской корзине, а к величине медианного среднедушевого дохода. *Источник:* Федеральный закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г., с изм. от 29.10.2024 г.) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

зайств с детьми до коронакризисного периода и после него. Домохозяйства рассматриваются с детьми возраста до 16 лет. Методы исследования – группировка, сравнительный анализ, структурный анализ, метод средних величин, систематизация, обобщение.

Результаты исследования

Располагаемые ресурсы, составляющие экономическую основу потребительских стратегий домохозяйств с детьми, в составе которых около 90% занимают денежные доходы, характеризуются неуклонным ростом в номинальном выражении со среднегодовым темпом 107,6% после 2018 г. В 2024 г. они достигли 36198 руб. в месяц в расчёте на члена домохозяйства (+55,4% к 2018 г.) (рисунок 1). С ростом числа детей среднедушевая величина располагаемых ресурсов снижается. Так, у домохозяйств с 2 детьми расхождение в уровне показателя по сравнению с домохозяйствами с 1 ребёнком в отдельные годы превышало 20%, у домохозяйств с 3 и более детьми по сравнению с домохозяйствами с 2 детьми – 30%⁴.

Показательным был 2023 год, когда проявилась целостная система поддержки семей с детьми, формирование которой началось в 2020 г.⁵ Темп роста располагаемых ресурсов в 2023 г. существенно возрос у домохозяйств с детьми,

достигнув 117,6% (в предыдущие годы не более 108,1%). Наиболее значительные изменения наблюдались у домохозяйств с 3 и более детьми. Темп роста располагаемых ресурсов в 2023 г. у них составил 124,5% при 118,4% у домохозяйств с 1 ребёнком и 113,1% с 2 детьми. В 2024 г. положительная динамика располагаемых ресурсов была продолжена, однако темп роста показателя значительно (до 106,5% в среднем) сократился. При этом у домохозяйств с 3 и более детьми он был по-прежнему выше (109,5%), чем у домохозяйств с 1 ребёнком (106,8%) и с 2 детьми (105,0%).

Потребительские стратегии домохозяйств с детьми формировались в условиях неуклонного повышения расходов на потребление. В рассматриваемом периоде они занимали 65–70% в располагаемых ресурсах (рисунок 1). В 2024 г. уровень расходов на потребление достиг 24953 руб. в месяц в расчёте на члена домохозяйства (+66,0% к 2018 г.). Он возрастал средним темпом в год 108,8%, что на 1,2 п.п. больше, чем по располагаемым ресурсам (107,6%), и на 1,3 п.п. больше, чем по потребительским ценам (107,5%)⁶. У домохозяйств с 3 и более детьми расходы на потребление росли более высокими темпами (110,9% в среднем в год) по сравнению с домохозяйствами с 1 ребёнком (108,6%) и с 2 детьми (108,5%).

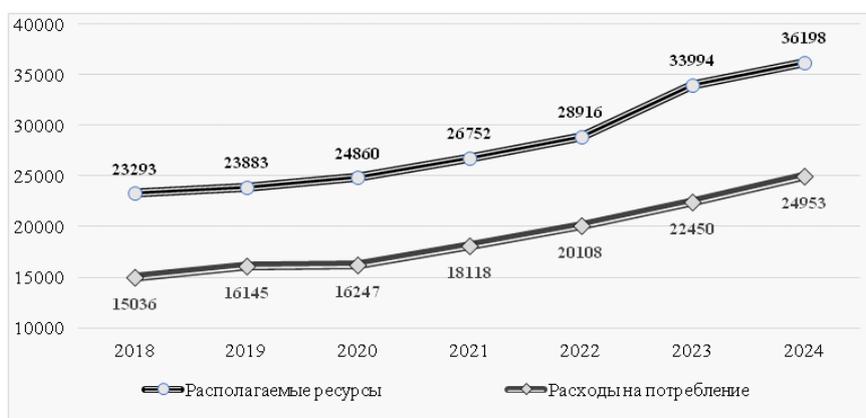

Рисунок 1. Располагаемые ресурсы и расходы на потребление домохозяйств с детьми в среднем на члена домохозяйства, руб. в месяц. Россия. 2018–2024 гг.

Figure 1. Available Resources and Consumption Expenditures of Households with Children on Average per Household Member, Rubles per Month. Russia. 2018–2024

Источники: данные Росстата⁷

⁴ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

⁵ «С 2020 года было начато поэтапное введение адресных выплат семьям с детьми различных возрастов, а в последующем – малоимущим беременным женщинам в целях минимизации рисков бедности. Указанная работа, проводившаяся в 2020–2022 годах, завершилась формированием с 1 января 2023 г. целостной системы поддержки семей с детьми». Источник: Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года».

⁶ Расчёты на основе данных Росстата. Источник: Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.10.2025).

⁷ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

В кризисных условиях темпы роста расходов на потребление заметно снижаются. Так, в коронакризисном 2020 г. темп роста показателя составил всего 100,6% в среднем у домохозяйств с детьми. В благоприятных условиях усиливается влияние сберегательных мотивов, которые у домохозяйств с детьми разного типа неоднозначно проявляются при распределении каждого рубля прироста располагаемых ресурсов – на потребление или на сбережение в целях иного использования. Индикатор предельной склонности к потреблению MPC (marginal propensity to consume)⁸ показывает, что у домохозяйств с 1 ребёнком и с 2 детьми склонность к сбережениям была значительно выше, чем у домохозяйств с 3 и более детьми. Так, у домохозяйств с 1 ребёнком и с 2 детьми индикатор MPC составил, соответственно, 0,76 и 0,77 при 0,84 у домохозяйств с 3 и более детьми, т.е. у домохозяйств с 1 и с 2 детьми на потребление направлялась меньшая часть прироста располагаемых ресурсов.

Одной из основных причин неоднозначного распределения прироста располагаемых ресурсов является разная у домохозяйств с детьми покупательная способность по расходам на потребление. Расчёты показывают, что в худшем положении находятся домохозяйства с 3 и более детьми. В рассматриваемом периоде при средней покупательной способности расходов на потребление 1,47–1,59 ПК ПМ она составляла у домохозяйства с 3 и более детьми всего 1,01–1,19 ПК ПМ, что характеризует их положение как близкое к состоянию бедности (ниже ПК ПМ) (рисунок 2). В отли-

чие от них у домохозяйств с 1 ребёнком уровень показателя (1,64–1,79 ПК ПМ) был выше среднего уровня, а у домохозяйств с 2 детьми (1,37–1,46 ПК ПМ) – близким к среднему.

Тенденция снижения покупательной способности домохозяйств с детьми по расходам на потребление, сложившаяся в период до 2022 г., привела к серьёзному ухудшению их положения к 2022 г., когда уровень показателя достиг своих минимальных значений. Это было обусловлено отставанием в темпах роста расходов на потребление по сравнению с темпами роста стоимости потребительской корзины прожиточного минимума. Например, в 2022/2021 гг. они составили 111,0% и 115,6%, соответственно. В 2023 г. повышенный темп роста расходов на потребление обеспечил увеличение покупательной способности в среднем на 7,2% (до 1,57 ПК ПМ средним на душу). Особенно возрос уровень показателя у домохозяйств с 3 и более детьми (+16,4%, до 1,18 ПК ПМ), в то время как у домохозяйств с 1 и с 2 детьми динамика была заметно слабее (+5,9%, до 1,74 ПК ПМ и +6,3%, до 1,46 ПК ПМ, соответственно). В 2024 г. покупательная способность домохозяйств с детьми по расходам на потребление в целом осталась на уровне предыдущего года. При этом в зависимости от числа детей вектор динамики показателя сложился по-разному. Так, если у домохозяйств с 1 ребёнком и с 3 и более детьми покупательная способность расходов на потребление незначительно (примерно на 1%) повысилась, то у домохозяйств с 2 детьми она снизилась (-3,1%).

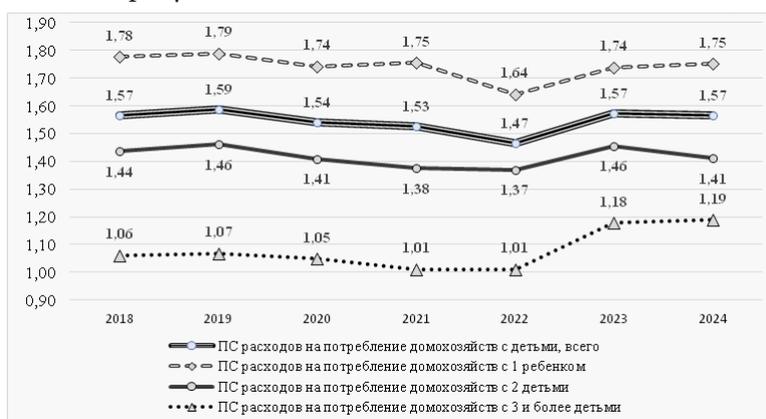

Рисунок 2. Покупательная способность (ПС) домохозяйств с детьми по расходам на потребление, наборы ПК ПМ¹⁾. Россия. 2018–2024 гг.

Figure 2. Purchasing Power (PP) of Households with Children by Consumption Expenditure, PC PM sets. Russia. 2018–2024

¹⁾ ПК ПМ – потребительская корзина прожиточного минимума (методология 2013–2020 гг.).

Источники: расчёты авторов на основе данных⁹.

⁸ Расчёты на основе данных Росстата. Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

⁹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025); Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.10.2025); [21].

Уровень покупательной способности расходов на потребление свидетельствует о том, что в социальной структуре положение домохозяйств с детьми всех типов соответствовало слою низкообеспеченных (1–2 ПК ПМ) и в рассматриваемом периоде оно было устойчивым. На стабильность положения в общей картине социально-экономического неравенства указывает также отсутствие устойчивых сдвигов в 10%-ом распределении населения в зависимости от располагаемых ресурсов (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств). В целом душевые расходы на потребление домохозяйств с детьми занимали 6–7 децильные группы, при этом домохозяйствам с 1 ребёнком соответствовала 7-я децильная группа, у домохозяйств с 2-мя детьми основой была 6-я группа, с 3 и более детьми это были 4–5 децильные группы (таблица 1).

Вместе с тем, отмечается тенденция снижения неравенства по располагаемым ресурсам и по расходам на потребление, на что указывает динамика коэффициента фондов по этим показателям. Так, в 2024 г. к 2018 г. коэффициент фондов уменьшился с 14,4 до 11,3 раз по располагаемым ресурсам и с 9,1 до 8,1 раз по расходам на потребление. Снижение коэффициента фондов по обоим показателям было обусловлено более высокими темпами роста в 1-й децильной группе по сравнению с 10-й децильной группой, что является следствием эффективных мер государственной политики в области доходов населения. Темпы роста средних душевых располагаемых ресурсов составили в 1-м дециле 181,5% при 143,2% в 10-м дециле, по расходам на потребление – 178,5% и 158,0%, соответственно.

Таблица 1

Неравенство располагаемых ресурсов и расходов на потребление домохозяйств в среднем на члена домохозяйства (по итогам выборочного обследования домохозяйств). Россия. 2018–2024 гг.

Table 1

Inequality of Available Resources and Household Consumption Expenditures on Average per Household Member (Based on the Results of a Sample Household Survey). Russia. 2018–2024

	2018 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Коэффициент фондов, в разах				
– располагаемые ресурсы	14,4	12,5	12,7	11,3
– расходы на потребление	9,1	7,9	8,5	8,1
Децильные группы, соответствующие расходам на потребление домохозяйства с детьми в 10%-ном распределении населения в зависимости от располагаемых ресурсов				
домохозяйства с детьми всего	7	6	6-7	6-7
из них имеющие:				
1 ребёнка	7	7	7	7
2 ребёнка	6	6	6-7	6
3 и более детей	4-5	4	4-5	4

Источники: расчёты авторов на основе данных Росстата¹⁰.

Данные статистики о потребительской инфляции показывают, что в рассматриваемом периоде опережающими темпами росли цены на продовольственные товары (в среднем в год 108,2%) при более низких темпах роста цен на услуги (107,3%) и ещё более низких на непродовольственные товары (106,8%)¹¹. В соответствии с дифференцированной инфляцией в динамике компонентов расходов на потребление отмечались опережающие темпы роста расходов на питание (кроме домохозяйств с 3 и более детьми, имеющих особенно высокую структурную долю

данного компонента) и наиболее низкие темпы роста расходов на непродовольственные товары (таблица 2). Характерным также было то, что расхождение между итоговыми в 2024/2018 гг. темпами прироста у расходов на непродовольственные товары и у потребительских цен по данной группе товаров оказалось, в основном, минимальным. Следствием стало сокращение доли расходов на непродовольственные товары в общей структуре расходов на потребление. Это предопределило группу непродовольственных товаров как основное потенциальное направление для режима экономики в условиях низкообеспеченности. В модели потребительских стратегий внесли разнообразие признаки, дифференцированные у разных типов домохозяйств с детьми по динамике компонентов расходов на потребление и по их структурным смещениям.

¹⁰ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

¹¹ Расчёт на основе данных Росстата. Источники: Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.10.2025).

По совокупности выявленных характеристик в целом у домохозяйств с детьми в рассматриваемом периоде сформировалась модель низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии со смещением доминанты от непродовольственной к продовольственной, стремлением к поддержанию стабильности в сфере услуг и с потенциалом сектора непродовольственных товаров для режима экономии.

У домохозяйств с 1 ребёнком сформировалась модель низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии с ослабевающей непродовольственной доминантой, стремлением к поддержанию стабильности в питании и в сфере услуг и с потенциалом сек-

тора непродовольственных товаров для режима экономии.

У домохозяйств с 2 детьми сформировалась модель низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии со смещением доминанты от непродовольственной к продовольственной и с потенциалом секторов непродовольственных товаров и услуг для режима экономии.

У домохозяйств с 3 и более детьми сформировалась модель низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии с устойчивой продовольственной доминантой, стремлением к поддержанию стабильности в сфере услуг и с потенциалом сектора непродовольственных товаров для режима экономии.

Таблица 2

Изменения в расходах на потребление домохозяйств с детьми по структуре, уровню и динамике относительно индекса потребительских цен (ИПЦ). Россия. 2018–2024 гг.

Table 2

Changes in Consumption Expenditure of Households with Children by Structure, Level and Dynamics Relative to the Consumer Price Index (CPI). Russia. 2018–2024

	Доля в расходах на потребление, %				Изменение расходов на потребление в 2024 г. к 2018 г.		
	2018	2022	2023	2024	по структуре, п.п.	по уровню, %	по сравнению с ИПЦ, п.п.
Расходы на потребление в среднем на члена домохозяйства в месяц	100	100	100	100			
из них расходы на							
у домохозяйств с детьми, всего							
– питание	33,9	36,0	35,4	36,4	+2,5	178,0	+17,6
– непродовольственные товары	38,2	35,9	36,5	35,5	-2,7	154,1	+5,7
– оплату услуг	26,1	26,3	26,5	26,6	+0,5	169,6	+16,6
– иные ¹⁾	1,8	1,8	1,6	1,5	-0,3		
у домохозяйства с 1 ребёнком							
– питание	32,9	34,6	34,9	35,0	+2,1	173,8	+13,4
– непродовольственные товары	38,5	35,7	35,4	35,6	-2,9	151,4	+3,0
– оплату услуг	26,6	28,1	28,1	27,9	+1,3	171,6	+18,6
– иные	2,0	1,6	1,6	1,5	-0,5		
у домохозяйства с 2 детьми							
– питание	34,4	36,8	34,7	37,7	+3,3	178,8	+18,4
– непродовольственные товары	38,1	36,5	39,0	35,9	-2,2	153,9	+5,5
– оплату услуг	25,8	24,7	24,7	24,9	-0,9	157,8	+4,8
– иные	1,7	2,0	1,6	1,5	-0,2		
у домохозяйства с 3 и более детьми							
– питание	39,0	42,8	41,1	41,1	+2,1	196,0	+35,6
– непродовольственные товары	36,8	34,9	35,5	33,8	-3,0	170,8	+22,4
– оплату услуг	22,9	21,1	22,1	24,2	+1,3	196,5	+43,5
– иные	1,3	1,2	1,3	0,9	-0,4		

¹⁾ Иные расходы – это расходы на алкогольные напитки и стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам. Они занимали не более 2% в расходах на потребление, что не влияет на потребительские стратегии.

Источники: расчёты на основе данных Росстата¹².

¹² Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025). Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.10.2025).

Анализ динамики расходов на потребление в группах непродовольственных товаров и услуг показал, что среди непродовольственных товаров сокращение доли расходов в 2024/2018 гг. коснулось, к примеру, предметов домашнего обихода, бытовой техники и ухода за домом (-0,7 п.п.), одежды и обуви (-0,2 п.п.)¹³. В сфере услуг увеличились доли расходов на здравоохранение (+0,3 п.п.), связь (+1,2 п.п.), и, особенно, на образование (рост в 2 раза – с 1,1 до 2,3%), указывающие на то, что домохозяйства с детьми не готовы сокращать расходы в данных направлениях. И в то же время снизились доли расходов на транспорт (-1,9 п.п.), на организацию отдыха и культурные мероприятия (-1,0 п.п.), на жилищно-коммунальные услуги с топливом (-0,7 п.п.), на гостиницы, кафе и рестораны (-0,2 п.п.). В зафиксированной динамике проявились у домохозяйств с детьми признаки рационализации в их потребительском поведении, направленной на обеспечение баланса между стабильностью в потреблении и экономией в расходах на потребление, что было вызвано влиянием как немонетарных факторов (кризис 2020 г. в условиях пандемии коронавируса; усиление антироссийских санкций с 2022 г. в связи с началом специальной военной операции (СВО) и другие), так и монетарных факторов, задававших тренд на рост используемых на потребление денежных доходов (низкообеспеченность по расходам на потребление; удорожание прожиточного минимума и другие).

Детализирует потребительское поведение опрос домохозяйств с детьми, проведённый летом 2024 г. Среди опрошиваемых было 5% малоимущих, получавших социальную помощь. Оценивание респондентами собственного положения по доходам показало следующее:

- 43% суммарных утвердительных ответов: «Еле сводим концы с концами» (4%) и «Мы живем от зарплаты до зарплаты» (39%) (вариация по обоим ответам не более 2 п.п. у домохозяйств разного типа);

- 48% утвердительных ответов «Хватает на повседневные предметы быта и длительного пользования» (от 43% у домохозяйств с 3 и более детьми до 51% с 1 ребёнком);

- 7% суммарных утвердительных ответов: «Хватает, чтобы обеспечить и более дорогостоящие потребности» (5%) и «Хватает, чтобы обеспечить любые потребности» (2%) (вариация по обоим ответам не более 2 п.п. у домохозяйств разного типа);

- 2% затруднившихся с ответом (от 1% до 3% у домохозяйств разного типа).

¹³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

При недостатке средств почти половина респондентов (не менее 48%) экономит на питании. С позиции источников доходов распределение ответов на постановку вопроса об экономии на питание сложилось следующим образом:

- *регулярно* экономят на покупке продуктов (не менее 21% подтверждающих ответов) респонденты с источниками доходов: пенсии и доплаты к пенсиям, социальные пособия на детей, алименты, доходы от личного подсобного хозяйства;

- *редко* экономят на покупке продуктов питания (не менее 27% подтверждающих ответов) респонденты с источниками доходов: доходы от работы по найму, пенсии и доплаты к пенсиям, социальные пособия на детей, социальные выплаты участнику СВО и членам его семьи, алименты, доходы от личного подсобного хозяйства;

- *никогда* не экономят на покупке продуктов питания (средств достаточно) респонденты (не менее 51% подтверждающих ответов) с источниками доходов: доходы от работы по найму, заработки собственного бизнеса.

Одна треть респондентов (не менее 32%) задерживает оплату жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) из-за недостатка средств. Распределение ответов по источникам доходов показало следующее:

- *часто* задерживает оплату ЖКУ (не менее 7% подтверждающих ответов) респонденты с источниками доходов: заработки собственного бизнеса, социальные пособия на детей, алименты, доходы от личного подсобного хозяйства;

- *редко* задерживает оплату ЖКУ (не менее 25% подтверждающих ответов) респонденты с источниками доходов: доходы от работы по найму, пенсии и доплаты к пенсиям, социальные пособия на детей, алименты, доходы от личного подсобного хозяйства;

- *никогда* не задерживают оплату ЖКУ (средств достаточно) от 51% с доходами от личного подсобного хозяйства до 77% получателей социальных выплат как участники СВО и члены семей.

По доступности основных видов продуктов питания таких как мясные, рыбные, молочные, фрукты выявлено, что только около 70% респондентов могут позволить себе употреблять эти виды продуктов ежедневно. По доступности каждого из перечисленных видов продукции сформировалась следующая картина. На первом месте находятся молочные продукты – их могут позволить себе включать в ежедневный рацион от 92 до 95% опрошиваемых семей в зависимости от числа детей. На втором месте находятся фрукты – их могут позволить себе ежедневно употреблять от 85 до 95% семей в зависимости от числа детей. Третью позицию занимают мясные продукты – их

могут позволить ежедневно употреблять от 79 до 83% семей в зависимости от числа детей. Четвёртая позиция принадлежит рыбным продуктам – их могут позволить ежедневно употреблять от 71 до 74% семей в зависимости от числа детей. Доступность по всем видам продукции снижается с ростом числа детей.

В условиях интеграции цифровых технологий в учебный процесс, что важно при наличии в домохозяйстве детей, показательными являются ответы респондентов о возможностях покупки ноутбука/компьютера. По результатам опроса выявлено, что из-за недостатка средств каждая вторая опрошиваемая семья (от 49% до 52% в зависимости от числа детей) за последний год столкнулась с ситуацией, когда приходилось отказываться от такой покупки. Кроме того, за последний год приходилось из-за недостатка средств отказываться от платных занятий дополнительно к школьной программе каждой третьей семье (от 28 до 36% в зависимости от числа детей). Также каждая третья семья (от 28 до 33% в зависимости от числа детей) вынужденно отказывалась из-за недостатка средств от посещения кинотеатра, театра, музея. В каждой второй семье (от 52 до 54% в зависимости от числа детей) были ситуации, когда из-за недостатка средств пришлось отказаться от дальнейшей поездки в другой российский регион или на море. По отказам на перечисленные вопросы преобладали ответы у семей с 2 детьми. Одна из причин – более высокая их закредитованность.

Почти половина семей с детьми призналась в том, что для покрытия своих текущих расходов использует потребительские кредиты (регулярно 9%, иногда 37%). Наиболее высокая доля таких семей (48%) отмечается среди домохозяйства с 2 детьми, чаще они берут иногда (39%). У домохозяйств с 1 ребёнком и с 3 и более детьми доля использующих кредиты примерно одинаковая (43% и 44%, соответственно), чаще они также берут иногда (35% и 36%).

При оценивании качества питания, одежды и обуви, быта на стабильное положение в целом указало около половины респондентов (от 50 до 56% в зависимости от числа детей), отмечая, что были более и менее благополучные периоды, при этом численно преобладали ответы домохозяйств с 1 ребёнком. *Очень стабильным* (постоянно на одном и том же уровне) оценила своё положение каждая четвёртая опрошиваемая семья (от 24 до 28% в зависимости от числа детей), преобладали ответы домохозяйств с 2 детьми. Совсем не стабильным (то лучше, то хуже) охарактеризовала своё положение каждая пятая семья (от 19 до 21% в зависимости от числа детей), преобладали ответы домохозяйств с 3 и более детьми.

Результаты проведённой работы частично пересекаются с выводами других исследований. Они, в частности, показали, что располагаемые ресурсы – один из основных факторов, влияющих на возможности и ограничения домохозяйств с детьми в сфере потребления. Это соответствует аргументированным в других исследованиях выводам о том, что определяющим фактором поведения российских потребителей являются доходы/ресурсы, которыми располагает человек [3; 20; 22]. Наряду с этим в статье также показано, что не менее значимым для оценивания потребительского поведения является показатель покупательной способности расходов на потребление, характеризующий расходы на потребление в их реальном выражении при сложившихся располагаемых ресурсах. В статье раскрывается роль этого показателя в поведении потребителей.

Подтверждаемое учёными положение о снижении доли, направляемой на питание, в условиях роста дохода [2; 3; 23] в настоящей работе проявилось у домохозяйств с детьми частично и на кратковременном периоде (например, в 2023/2022 гг., таблица 2). Вместе с тем, показано, что в условиях роста располагаемых ресурсов (2024/2018 гг.) сформировался тренд на повышение доли расходов на питание. Это свидетельствует о том, что при наличии факторов, значительных по своему влиянию на потребление (в данном случае низкообеспеченность, дифференцированная высокая потребительская инфляция) структурная трансформация расходов на потребление может не совпадать со сценарием прямой зависимости динамики доли расходов, направляемой на питание, с динамикой доходов/располагаемых ресурсов.

Оценивание структурной динамики по отдельным непродовольственным товарам и услугам показало, что в условиях роста располагаемых ресурсов доли расходов на одежду и обувь, жилищно-коммунальные услуги и топливо в период 2018–2024 гг. снизилась, но размер снижения был относительно невелик (менее 1%). Этот вывод соответствует результатам другого исследования, свидетельствующего о зависимости между ростом дохода и сравнительно малой вариацией доли дохода, расходуемой на одежду, жилище и коммунальные услуги [3, с. 151].

Кроме того, в статье на данных опроса домохозяйств с детьми, среди которых официально признанных малоимущими было 5%, показано, что в 2024 г. из-за недостатка средств каждая третья семья не могла включать в ежедневный рацион молочные, рыбные и мясные продукты, фрукты, каждая вторая семья вынужденно отказывалась от покупки ноутбука/компьютера и т.д. Это также соответствует результатам научных ис-

следований, свидетельствующих о том, что «часть лишений может распространяться не только на бедных» [10, с. 58].

Заключение

Потребительские стратегии домохозяйств с детьми в 2018–2024 гг. формировались в условиях устойчивого роста номинальных располагаемых ресурсов и расходов на потребление, в отличие от покупательной способности расходов на потребление, связанной с тенденцией снижения до 2022 г. В 2023–2024 гг. уровень покупательной способности заметно повысился относительно 2022 г. (+7,2% в среднем). Ключевую роль сыграл 2023 год, когда проявилась завершённая система поддержки семей с детьми, поэтапное изменение которой продолжалось с 2020 г. В 2024 г. покупательная способность расходов на потребление в целом у домохозяйств с детьми осталась на уровне предыдущего года, что несёт в себе риски стагнации для уровня жизни домохозяйств с детьми.

Определено, что в рассматриваемом периоде для домохозяйств с детьми характерными были модели низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии, дифференцированные в зависимости от числа детей по доминанте в расходах на потребление, а также по роли других компонентов расходов в поддержании стабильности в потреблении и для режима экономии. Потенциал для режима экономии у домохозяйств с 1 ребёнком и с 3 и более детьми обозначился по сектору непродовольственных товаров, что проявилось в снижении доли расходов по данному компоненту, в то время как доли у других компонентов (питание, услуги) выросли. В то же время у домохозяйств с 2 детьми потенциал для режима экономии был зафиксирован по двум секторам – по непродовольственным товарам и по услугам, что обозначилось в снижении доли расходов у обоих компонентов на фоне роста доли на питание. Таким образом, гипотеза исследования, состоящая в том, что потребительские стратегии у всех типов домохозяйств с детьми совпадают: а) по идентификации социального слоя, б) по векторам структурных смещений у компонентов расходов на потребление (питание, непродоволь-

ственные товары, услуги), подтвердилась лишь в первой части (пункт а).

Анализ отдельных аспектов внутренней политики домохозяйств с детьми, касающейся расходов на текущее потребление в условиях 2024 года, позволил выявить степень уязвимости в доступности социально значимых потребительских благ в зависимости от источников доходов. В частности, было установлено, что наиболее уязвимыми для поддержания уровня питания и обеспечения своевременной оплаты ЖКУ являются получатели пенсий и доплат к пенсиям, социальных пособий на детей, алиментов, доходов от личного подсобного хозяйства. Совсем не стабильным при оценивании качества питания, одежды и обуви, быта охарактеризовала своё положение каждая пятая семья с детьми.

Исследование потребительских стратегий домохозяйств с детьми позволяет глубже понимать проблемы их благополучия, причины и факторы социально-экономической дифференциации. Для выравнивания доступности потребительских благ необходим эффективный инструментарий, и, в первую очередь, это относится к прожиточному минимуму, который, являясь единственным официальным социальным стандартом качества жизни, гарантирует сегодня получение мер государственной социальной поддержки. Поскольку официальная концепция определения прожиточного минимума с 2021 года перешла от потребительского бюджета, базовым элементом которой является нормативная потребительская корзина, к относительному измерению показателя по медианному доходу, не раскрывающему его содержательную сторону, считаем важным вернуться к определению прожиточного минимума в форме потребительского бюджета, включающего потребительскую корзину, в составе которой продовольственные товары, непродовольственные товары, платные услуги, а также обязательные платежи и сборы. На этой основе можно было бы формировать семейные потребительские бюджеты, обеспечивающие разный уровень жизни, и всесторонне оценивать уровень, качество и структуру потребления домохозяйств с детьми, важным индикатором которого являются их потребительские стратегии.

Список источников

1. Широв А.А. Потребление домашних хозяйств в зеркале таблиц «затраты-выпуск» // *Проблемы прогнозирования*. 2024. № 3(204). С. 6–17. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-204-6-17> EDN EADGTT
2. Макар С.В., Ярашева А.В. Потребительское поведение россиян: возможности и приоритеты // *Народонаселение*. 2022. Том 25. № 4. С. 68–78. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.6> EDN MONYFA

3. Россинская Г.М. Факторы и закономерности потребительского поведения домохозяйств в условиях трансформационной российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3(201). С. 147–156. EDN XCGSMN
4. Красниковский В.Я. Роль потребительского поведения как элемента механизма социальной стратификации // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Том 10. № 3. С. 21. EDN KEJYUK
5. Фоломеева Т.В. Социально-психологический подход к исследованию потребительского поведения // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 1. С. 145–154. EDN OYIDHN
6. Шеломенцев А.Г., Гончарова К.С. Численное исследование зависимости структуры расходов домохозяйств от уровня их доходов в контексте концепции самосохранительного поведения // Экономика региона. 2020. Том 16. № 3. С. 791–806. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-9> EDN ELNSTM
7. Loschiavo D., Tullio F., di Salvatore A. Measuring Households' Financial Fragilities: an Analysis at the Intersection of Income, Financial Wealth, and Debt. *Review of Income and Wealth*. 2024;71(1):e12691. <https://doi.org/10.1111/roiw.12691>
8. Rapp S. Economies of Scale for Household Wealth: an Analysis of Equivalence Scales. *Review of Income and Wealth*. 2025;71(1):e70002. <https://doi.org/10.1111/roiw.70002>
9. Dias R.S., Sharma E., Fitzsimons G.J. Quality–Quantity Tradeoffs in Consumption. *Journal of Consumer Research*. 2025;52(1):93–114. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucae059>
10. Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., Тер-Акопов С. А. Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. 2019. Том 22. № 2. С. 51–63. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00015> EDN JFLDAB
11. Разумов А.А., Селиванова О.В. Влияние детских пособий и компенсационных выплат на снижение уровня бедности в регионах РФ // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1(50). С. 83–93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-83-93> EDN LAOWFK
12. Разумов А.А., Селиванова О.В. Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 2. С. 236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8> EDN JWLUEB
13. Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. На пересечении гендера и класса: как одинокие матери организуют повседневную жизнь в постсоциалистической России // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 61–72. <https://doi.org/10.31857/S013216250017574-4> EDN PUJPNW
14. Greenstone M., Looney A., Patashnik J., Yu M. *Thirteen Economic Facts about Social Mobility and the Role of Education*. Washington: Brookings Institution; 2013. 26 p.
15. Mussida C., Sciulli D. The Dynamics of Poverty in Europe: What Has Changed after the Great Recession? *The Journal of Economic Inequality*. 2022;20:915–937. <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09527-9>
16. Theloudis A. Consumption Inequality across Heterogeneous Families. *European Economic Review*. 2021;136:103765. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2021.103765>
17. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. № 2. С. 61–68. EDN WWAWGQ
18. Котельникова З.В., Радаев В.В., Синявская О.В. Новые формы потребления: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3(187). С. 3–12. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.3049> EDN BWSVUG
19. Котельникова З.В. Эволюция подходов к концептуализации потребления в западной социологии // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 8–32. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.1> EDN AZGKAJ
20. Потребительские стратегии пожилых людей / Л.И. Иванкина, Е.И. Клемашева, Э.Р. Кашапова, Е.А. Аникина // Мир экономики и управления. 2021. Том 21. № 1. С. 42–58. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-42-58> EDN VOSNFY
21. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год: [Ежегодник]. Вып. 3(204) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2025. 170 с. ISBN 978-5-9940-0792-1 EDN MKBWFA
22. Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б., Петренко Е.С. Потребительские стратегии российских граждан // Практический маркетинг. 2011. № 11(177). С. 4–21. EDN OJDWJR
23. Россинская Г. Домохозяйства: особенности потребительского поведения в трансформационной экономике России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. № 3. С. 153–171. EDN JWAQMF

Информация об авторах:

Алефтина Александровна Гулюгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики РАН (SPIN-код: 8187-0889) (ResearcherID: H-2175-2018)

Татьяна Викторовна Чащина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики РАН (SPIN-код: 1770-4231) (ResearcherID: GQH-0078-2022)

Заявленный вклад авторов:

А.А. Гулюгина – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ результатов исследования, обобщение результатов исследования.

Т.В. Чащина – обзор исследований и публикаций по теме исследования.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Автор, ответственный за переписку – Алефтина Александровна Гулюгина.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Shirov A.A. Household Consumption in the Mirror of Input–Output Tables. *Problemy prognozirovaniya=Problems of Forecasting*. 2024;(3(204)):6-17. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-204-6-17> (In Russ.)
2. Makar S.V., Yarasheva A.V. Consumer Behavior of Russians: Opportunities and Priorities. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(4):68-78. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.6> (In Russ.)
3. Rossinskaya G.M. Factors and Patterns of Consumer Behaviour of Households in the Terms of Transformation of the Russian Economy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2016;(3(201)):147-156. (In Russ.)
4. Krasnikovskii V.Ya. The Role of Consumer Behavior as an Element of the Mechanism of Social Stratification. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya=World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2019;10(3):21. (In Russ.)
5. Folomeeva T.V. Socio-Psychological Approach to the Study of Consumer Behavior. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya=Lomonosov Psychology Journal*. 2012;(1):145-154. (In Russ.)
6. Shelomentsev A.G., Goncharova K.S. Dependence of Spending Patterns of Households on Their Income in the Context of Health-Related Behaviour: Numerical Study. *Ekonomika regiona=Economy of Region*. 2020;16(3):791-806, <https://doi.org/ekon.reg.10.17059/2020-3-9> (In Russ.)
7. Loschiavo D., Tullio F., di Salvatore A. Measuring Households' Financial Fragilities: an Analysis at the Intersection of Income, Financial Wealth, and Debt. *Review of Income and Wealth*. 2024;71(1):e12691. <https://doi.org/10.1111/roiw.12691>
8. Rapp S. Economies of Scale for Household Wealth: an Analysis of Equivalence Scales. *Review of Income and Wealth*. 2025;71(1):e70002. <https://doi.org/10.1111/roiw.70002>
9. Dias R.S., Sharma E., Fitzsimons G.J. Quality–Quantity Tradeoffs in Consumption. *Journal of Consumer Research*. 2025;52(1):93–114. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucae059>
10. Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. Material Deprivations in Poverty Estimations. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(2):51-63. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015> (In Russ.)
11. Razumov A.A., Selivanova O.V. The Impact of Child Benefits and Compensation Payments on Poverty Reduction in the Regions of Russia. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;50(1):83-93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-83-93> (In Russ.)
12. Razumov A.A., Selivanova O.V. Households at Risk of Poverty: Regional Aspect. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8> (In Russ.)
13. Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. On the Intersection of Gender and Class: How Single Mothers Organize Their Everyday Life in Post-Socialist Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2021;(11):61-72. <https://doi.org/10.31857/S013216250017574-4> (In Russ.)
14. Greenstone M., Looney A., Patashnik J., Yu M. Thirteen Economic Facts about Social Mobility and the Role of Education. Washington: Brookings Institution; 2013. 26 p.
15. Mussida C., Sciulli D. The Dynamics of Poverty in Europe: What Has Changed after the Great Recession? *The Journal of Economic Inequality*. 2022;20:915–937. <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09527-9>
16. Theloudis A. Consumption Inequality across Heterogeneous Families. *European Economic Review*. 2021;136:103765. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2021.103765>
17. Zubarevich N.V., Safronov S.G. The Share of Food in Total Consumption of the Population of Russian Regions as an Indicator of the Standard of Living and Consumption Modernization. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografia=Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2019;(2):61–68. (In Russ.)
18. Kotelnikova Z.V., Radaev V.V., Sinyavskaya O.V. New Forms of Consumption: Socio-Logical Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(3(187)):3–12. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.3049> (In Russ.)
19. Kotelnikova Z.V. The Evolution of Sociological Approaches towards Conceptualizing Consumption in Western Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2024;30(2):8-32. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.1> (In Russ.)
20. Ivankina L.I., Klemasheva E.I., Kashapova E.R., Anikina E.A. Consumer Behavior of the Elderly. *Mir ekonomiki i upravleniya=World of Economics and Management*. 2021;21(1):42-58. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-42-58> (In Russ.)
21. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2024 God. Yearbook. Issue 3(204). Moscow: Institute of Economics RAS; 2025. 170 p. ISBN 978-5-9940-0792-1 (In Russ.)

22. Galitskaya E.G., Galitsky E.B., Petrenko E.S. Consumer Strategies of Russian Citizens. *Prakticheskii marketing=Practical Marketing*. 2011;(11(177)):4-21. (In Russ.)
23. Rossinskaya G. Households: Features of Consumer Behavior in the Transformation Economy of Russia. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2008;(3):153-171. (In Russ.)

Information about the authors:

Aleffina A. Gulyugina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 8187-0889) (ResearcherID: H-2175-2018)

Tatyana V. Chashchina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1770-4231) (ResearcherID: GQH-0078-2022)

Authors' declared contribution:

A.A. Gulyugina – statement of the problem, development of the article concept, analysis of the research results, generalization of the research results.

T.V. Chashchina – review of research and publications on the research topic.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Aleffina A. Gulyugina.

The article was submitted 18.11.2025; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.